

9. The demand to act for the sake of people's good is addressed to social groups and society in general as much as to individuals. Such groups, in turn, acting as moral agents – *collective Others* may also be perceived as the object of an individual's moral attitude and moral obligations.

9.1. The space of *social morality* is thus defined as a complex of values and norms that determine the attitude of society towards its members (collective and individual), on the one hand, and values and norms that determine the attitude of a given society's members to society, on the other.

9.2. *Public benefit* and *human rights* are the basic values of public morality. The latter is specific insofar as an individual's self-realization as a responsible agent is mediated by *social institutions*. Corresponding expectations are expressed in regard to social institutions as well.

10. As far as the logic of specific types of activity (professional, corporate, and otherwise organised to pursue specific goals) may drive an agent to actions that restrict or openly violate moral values, the need for a specific moral regulation of such activities may become evident. Moral regulation of specific types of activity (more commonly referred to as ethical regulation) has become more or less institutionalised, merged together with administrative regulation, and negatively different from conventional morality.

11. Insofar as human and public good are dependent on the state of the ecosphere (natural bio-complexes first and foremost), its preservation appears to become an important moral value and an obligatory subject of individual and public responsibility.

Translated into English by Mikhail Yagupov

О.В. Артемьева¹

Определение морали имеет смысл как попытка кратко выразить ее суть, назначение и специфические особенности.

В понимании морали я исхожу из того, что она отвечает фундаментальным потребностям человека как родового существа. Ее сфера – это отношения между людьми. Посредством определенных по содержанию ценностей и норм она

¹ Ольга Владимировна Артемьева — кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора этики Института философии Российской академии наук, автор книги «Английский этический интеллектуализм XVIII – XIX вв.».

ориентирует человека на достижение личного совершенства и совершенных отношений с другими людьми. Особенность морального перфекционизма по сравнению с другими его видами (творческим, религиозным и т.п.) состоит в том, что моральное совершенствование осуществляется в пространстве человеческих отношений, по поводу них и в конечном счете ради них. В морали в значительной мере две эти ориентации – на личное совершенствование и совершенствование человеческих отношений – взаимно опосредуются и являются условиями друг друга. Взаимозависимость двух перспектив объясняется тем, что человек по своей природе определяется отношениями с другими людьми. Так, К. Маркс рассматривал человека как ансамбль общественных отношений, для М. Хайдеггера мир человека в экзистенциально-онтологическом определении последнего есть совместный мир, или, что то же самое, «присутствие» (Dasein) и есть со-бытие. Аналогичное понимание в иных контекстах и на другом языке выражено в феминистской этике заботы, в современных (по крайней мере аристотелевских) версиях этики добродетели, а также в ряде других концепций.

Из положения о том, что человек по своей природе определяется отношениями, его мир – это совместный мир, казалось бы, можно сделать вывод о том, что личное совершенствование само по себе ведет к утверждению морально значимых отношений между людьми. Однако это не так. Забота о себе и забота о другом (других) – это, хоть и взаимозависимые, но все же самостоятельные моральные задачи. Не устремленный к возвышенному идеалу человек не способен к утверждению морально значимых отношений с другими людьми. Качество этих отношений, в том числе и моральное, зависит от качества всех включенных в них участников. Еще Аристотель показал, что нацеленный исключительно на удовольствие или пользу человек не способен к установлению отношений, соответствующих природе, назначению человека. Дружба в ее совершенном проявлении возможна лишь как отношение между добродетельными, устремленными к высшему благу людьми. К этому можно добавить, что вне перфекционистского контекста забота о другом (других) может оборачиваться, с одной стороны, потворством всевозможным слабостям другого, с другой – патернализмом, манипулированием и тиранией. Однако и устремленный исключительно к возвышенному идеалу, последовательно исполняющий перфекционистски-аскетические предписания, но игнорирующий при этом конкретного другого (других), оказывается несостоятельным на пути личного морального совершенствования. Последнее очевидно в ситуациях, когда моральный субъект, следуя норме, с исполнением которой отождествляет свое моральное достоинство, попустительствует совершению зла в отноше-

нии другого, пресечь которое было бы возможно лишь ценой ее нарушения. Строгость в отношении нормы не снимает вины за попустительство злу и никак не компенсирует эту вину, к каким бы изощренным аргументам (пусть и искренне) ни прибегал сам моральный субъект или философ, для которого пространство морали образуется отношением не к человеку, а к норме.

Своеобразие морального субъекта состоит также в том, что он всем своим существом включен в действительный мир – мир межличностных отношений, социальности, культуры, даже природы. Этот мир является *его* реальностью. Принадлежность ей обуславливает конкретность и тем самым уникальность морального субъекта. Кроме того, именно эта сложная реальность является источником тех проблем, столкновение с которыми порождает у человека потребность в морали. И только с помощью морали их можно решить. Моральный субъект устремлен к возвышенному идеалу, но устремлен к нему, будучи укорененным в реальности. Используя метафору Канта, можно сказать, что человек как моральный субъект принадлежит двум мирам – ноуменальному и феноменальному. Он принадлежит им *одновременно*. Исключительно ноуменальному миру принадлежат не люди, а лишь ангелы или члены царства целей, у которых не может быть никакой потребности в морали. Мораль нужна лишь несовершенному, но непреодолимо устремленному к совершенству существу. Ориентируя человека на достижение идеала, мораль не требует от него игнорирования и тем более отрицания реальности, напротив, она требует в решениях и поступках принимать эту реальность во внимание, исходить из нее и указывает, каким образом она может быть преобразена. Принимать во внимание реальность означает, в частности, соотносить свои решения и поступки с конкретными обстоятельствами и вовлеченными в них конкретными людьми – с их потребностями и интересами, продумывать возможные последствия собственных решений и поступков не только для самого себя, но и для других людей. Моральный субъект несет ответственность не только за исполнение нормы, но еще в большей степени – за уместность ее исполнения в конкретных обстоятельствах и за те последствия, которыми ее исполнение обернется.

В наибольшей степени сказанное относится к ситуации вынужденного выбора меньшего зла. Здесь самозабвенное следование норме, которая может считаться основополагающей в морали, задающей смысл морали, определяющей моральное достоинство человека, его статус в качестве морального субъекта, оборачивается неразрешимыми моральными противоречиями. Безупречность морального субъекта в отношении такой нормы неизбежно оказывается скомпрометированной, ибо ее «чистое» исполнение в данных обстоятельствах невозможно.

Подтверждением тому служит сюжет, обсуждаемый в литературе с древности и рассмотренный И. Кантом в эссе «О мнимом праве лгать из человеколюбия». Кант использует его в качестве примера с целью показать, что ни в какой, даже самой драматичной ситуации нарушение фундаментального, с его точки зрения, морального запрета на ложь, не допустимо и ничем не может быть оправдано. Однако анализ сюжета открывает другое, а именно, соблюдение морального требования в отношении одного лица здесь оказывается возможным исключительно трагической ценой его нарушения в отношении другого лица. Давая правдивый ответ злоумышленнику, очевидному убийце, по кантовскому примеру, на прямой вопрос о местонахождении друга, с которым тот очевидно намерен расправиться, домохозяин нарушает запрет на ложь в отношении друга, поскольку предоставил ему в своем доме убежище именно от этого злоумышленника и тем самым пообещал защиту. Выполнение же обещаний Кант рассматривает как разновидность долга правдивости. Минимальная цена, которую домохозяин должен заплатить за соблюдение нормы «не лги» в отношении злоумышленника, – нарушение *этой же* нормы в отношении друга. Аналогичным образом, выполняя данное другу обещание, домохозяин нарушает долг правдивости в отношении злоумышленника. В любом случае в данной ситуации фундаментальный запрет на ложь не может не оказаться попраным. Даже если признать этот запрет фундаментальным в том смысле, что он не стоит в ряду других моральных требований, а возвышается над ними, является безусловно приоритетным, самым условием моральности, то моральный субъект, избавленный от необходимости выбора между исполнением этого запрета и других требований (в данном случае – требования препятствовать причинению зла конкретному другому), не может быть избавлен от необходимости принять решение, в отношении кого именно – друга или злоумышленника – необходимо соблюдать запрет и в отношении кого именно его можно нарушить. Так что решимость морального субъекта к исполнению фундаментального морального запрета не гарантирует ему ни сохранения статуса в качестве морального субъекта, ни морального достоинства, если считать исполнение нормы или по крайней мере ряда норм единственно возможной сферой ответственности морального субъекта или сферой моральности в собственном, строгом смысле слова.

Соединенность морального субъекта с другими людьми не только на метафизическом, но и на «феноменальном» уровне, его укорененность в реальности расширяет сферу моральной ответственности и существенно усложняет решение моральных задач, а в некоторых ситуациях делает его безысходно драматичным. Любые решения в таких ситуациях не могут быть безупречными с мо-

ральной точки зрения. Но мораль и не требует совершения безупречных поступков. Она требует совершения поступков, наилучших (наиболее уместных) для данного субъекта в данных обстоятельствах – таких, которые в конечном итоге направлены на утверждение согласия между людьми в межличностном, социальном, культурном и общечеловеческом планах.

Olga Artemyeva¹

The reason for defining morality can be seen as an attempt to encapsulate its meaning, purpose and specific characteristics.

I presuppose that morality meets fundamental needs of a human being as such. Its domain is interpersonal relationships. Of course, morality orient a human being towards achieving personal perfection and fostering appropriate relationships with others and it does that using general values, principles and norms. But moral perfectionism differs from all the other kinds (creative, religious etc.) in that the efforts aimed at attaining moral perfection are made within the space of human relationships, relevant to them and, ultimately, for their sake. These two orientations (towards personal perfection and perfect interpersonal relationships) are mutually conditional – one is a necessary pre-requisite of the other. The interdependence of these two perspectives is explained by the fact that a human being is determined inherently by relationships with other people. Thus, Karl Marx regarded a human being as an ensemble of social relationships, and for Martin Heidegger human world in its existential and ontological understanding is a *with-world* – in other words, Dasein is the same as Being-with. A similar understanding is expressed in feminist ethics of care, albeit in a different context and language, as well as modern (Aristotelian, at least) versions of virtue ethics and a number of other conceptions.

The thesis that human beings are defined by their relationships, their world being a shared world, might seem to imply that personal perfection leads to the establishment of morally significant relationships between people in and of itself. However, this is incorrect. Care about the *Self* and care about the *Other*, or *Others*, are two distinct moral tasks, even though they are mutually dependent. A person not striving for any sublime ideals is incapable of establishing morally significant

¹ Olga V. Artemyeva – Cand. Sc. Philosophy [PhD], senior research fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, the author of the book “The English Ethical Intellectualism of the 18–19th centuries”.